

Свет Азии

Автор:

Эдвин Арнольд

Свет Азии

Эдвин Арнольд

«Эдвинъ Арнольдъ, въ своей поэме «Светъ Азии», переводъ которой мы предлагаемъ теперь вниманию читателя, даетъ описание жизни и характера основателя буддизма индийскаго царевича Сиддартхи и очеркъ его учения, излагая ихъ отъ имени предполагаемаго поклонника Будды, строго придерживающагося преданий, завещанныхъ предками. Легенды о Будде, въ той традиционной форме, которая сохраняется людьми древняго буддийскаго благочестия, и предания, содержащияся въ книгахъ буддийскаго священнаго писания, составляютъ такимъ образомъ ту основу, на которой построена поэма...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Эдвин Арнольд

Свет Азии

Предисловие к поэме

Эдвинъ Арнольдъ, въ своей поэме «Светъ Азии», переводъ которой мы предлагаемъ теперь вниманию читателя, даетъ описание жизни и характера основателя буддизма индийскаго царевича Сиддартхи и очеркъ его учения,

излагая ихъ отъ имени предполагаемаго поклонника Будды, строго придерживающагося преданий, завещанныхъ предками. Легенды о Будде, въ той традиционной формѣ, которая сохраняется людьми древняго буддийскаго благочестия, и преданія, содержащіяся въ книгахъ буддийскаго священнаго писанія, составляютъ такимъ образомъ ту основу, на которой построена поэма. Эти легенды и преданія, помимо того значенія, которое они имеютъ для буддийской религіозной системы, обладаютъ сами по себѣ такими поэтическими достоинствами, что могутъ въ чисто-литературномъ отношеніи привлекать къ себѣ вниманіе и техъ, которые нисколько не интересуются буддизмомъ и никогда не изучали его. Являясь же въ такой блестящей обработкѣ, какую придалъ имъ знаменитый англійскій поэтъ, они становятся замечательнымъ литературнымъ произведеніемъ, которое даже въ переводѣ, лишенномъ всей прелести стихотворной формы, украшающей оригиналъ, будетъ вероятно приятно встречено всякимъ, не имевшимъ случая или возможности ознакомиться съ подлинникомъ.

Авторъ поэмы Эдвинъ Арнольдъ давно пользуется известностью въ Англіи и Америкѣ, какъ искусный переводчикъ произведеній восточныхъ литературъ. Его «Lotus and Jewel», «With Sadi in the Garden», «The Song celestial», «The Secret of Death», «Indian Idylls», «Pearls of the Faith» и другія сочиненія пользуются большою популярностью. Что же касается поэмы «The Light of Asia», то она вышла уже более чемъ въ пятидесяти изданіяхъ и создала автору громкую славу не только повсюду, гдѣ читаютъ по англійски, но еще и там, гдѣ чтутъ воспетаго имъ Будду.

Король сіамскій сделалъ автора кавалеромъ ордена «Белаго Слона», а цейлонское буддийское духовенство, въ адресѣ, поднесенномъ ему, при посещеніи имъ о-ва Цейлона, воздало большія похвалы высокимъ достоинствамъ поэмы и признало ее вполне согласной съ духомъ и буквою буддийскаго священнаго писанія.

Такое признаніе значенія поэмы въ буддийскомъ мирѣ не должно быть нами упущено изъ виду главнымъ образомъ потому, что оно какъ нельзя лучше подтверждаетъ чисто-литературное достоинство произведенія. Эдвинъ Арнольдъ для этого именно и вложилъ свою поэму въ уста верующаго буддиста, чтобы дать возможность верно уразумѣть и правильно оценить буддийское миросозерцаніе. «Воспроизвести мысли буддистовъ съ полною естественностью— говоритъ Э. Арнольдъ-возможно только, ставъ на ихъ же точку зрѣнія». И въ самомъ дѣлѣ, въ лицѣ предполагаемаго буддийскаго

рапсода предсталъ передъ нами правоверный поклонникъ Сакья-Муни и съ полною простотою и безыскусственностью раскрылъ передъ нами свою взволнованную религизнымъ чувствомъ душу. Въ этой простоте и безыскусственности, въ этой искренности и теплоте индийскаго певца для насъ раскрывается только сила таланта и высокое искусство автора, который, какъ то видно изъ обращения къ нему цейлонскаго духовенства, «не пользовался ни благодатью религии Сакья-Муни, ни общениемъ съ его последователями», какъ можетъ пожалуй, предположить тотъ, кто, прочитавъ поэму, приметъ плоды поэтического творчества за проявление наивной веры.

Особенности поэмы вполне объясняются такимъ образомъ занятою авторомъ точкою зрения. Эпитеты, которые онъ прилагаетъ къ своему герою, именно и принадлежать къ числу украшающихъ имя Будды у его поклонниковъ, и весь рядъ развертываемыхъ авторомъ фантастическихъ картинъ взять изъ подлинныхъ источниковъ буддийскаго вероучения. Сохранение буддийскаго духа въ блестящемъ пересказе легендъ высоко-талантливаго автора «Света Азии» и придаетъ поэме ту своеобразную прелесть, которая доставила ей столь громкую славу. У насъ, въ прежнее время, когда магометанину, напримеръ, влагали въ уста такая выражения, какъ «клянусь лжепророкомъ» и т. п., приемъ Эдвина Арнольда могъ бы, пожалуй, возбудить недоразумение; но въ наше время, думается мне, стыдно было бы сознательно измышлять заведомо-известную нам ложь, а выработавшееся умение различать литературныя достоинства произведения отъ такъ или иначе обусловленнаго его содержания едва-ли нуждается еще въ подкреплении какими бы то ни было разъяснениями.

Совсем иначе стоитъ вопросъ по отношению къ малоподготовленности некоторыхъ читателей для усвоения содержания поэмы, действие которой происходитъ в Индии чуть ли не за две съ половиною тысячи летъ тому назадъ. Имея в виду необходимость оказания помощи такому читателю, мы предпослали поэме переводъ двухъ главъ изъ книги Гюстава Ле-Бона «Цивилизация Индии» (Gustav Le Bon, Les civilisations de l'Inde, Paris, 1887), въ которыхъ читатель найдетъ ответы на вопросы, могущие возникнуть для него при чтении поэмы. Затемъ, некоторыя дополнительные сведения отнесены нами въ подстрочныя примечания и приложение.

Сказание о спасителе мира, о господе Будде, именовавшемся въ земной жизни княземъ Сиддартхою; о томъ, кому ни на земле, ни на небе, ни въ аде нетъ подобнаго по достоинству, мудрости, благодати и милосердию; о томъ, кто научилъ Нирване и Закону.

Вотъ какъ некогда возродился онъ для человечества: подъ высшею сферою восседають четыре владыки, правящие миромъ. Ниже, но все-же высоко, лежать области, где трижды десять тысячъ летъ святые духи ждутъ новаго возрождения. И господь Будда ждалъ въ этихъ же небесахъ, когда на благо намъ появились пять верныхъ предзнаменований его рождения. И боги узнали ихъ и сказали: «Будда нисходитъ вновь для спасения мира!» – «Да будетъ такъ! – сказалъ онъ, – я еще разъ сойду, когда настанетъ время, и принесу спасение миру». Рожденье и смерть окончатся для меня и для техъ, кто узнаетъ мой законъ. Я сойду къ Сакьямъ, на южный склонъ снежныхъ Гималаевъ, туда, где живетъ благочестивый иародъ и справедливый царь».

Въ эту ночь царица Майя, супруга царя Суддходаны, разделявшая ложе его, увидела дивный сонъ. Ей приснилась на небе звезда, блистающая шестью, въ розовомъ сиянии, лучами. На ту звезду указывалъ ей слонъ съ шестью клыками, белый какъ молоко. И та звезда, пролетевъ воздушное пространство, наполнивъ ее своимъ светомъ, проникла въ ея недра.

Пробудясь, царица почувствовала блаженство, неведомое земнымъ матерямъ. Кроткий светъ прогналъ съ половины земли ночной сумракъ; могучия горы затрепетали, волны стихли, цветы, открывающіеся лишь днемъ, зацвели, какъ въ полдень. До самыхъ глубокихъ пещеръ проникла радость царицы, какъ теплый солнечный лучъ, трепещущій въ золотистой тьме лесовъ, въ самыя глубины земли достигъ тихій шопотъ: «о вы, усопшіе, ждущіе новой жизни, вы, живущіе, долженствующіе умереть, возстаньте, внимайте и надейтесь: Будда родился!»

И отъ этихъ словъ повсюду распространился несказанный миръ, и сердце вселенной забилося, и чудно-прохладный ветеръ пролетелъ надъ землями и морями.

Когда на утро царица рассказала о своемъ видении, убеленные сединами снотолкователи объявили: – «Сонъ хорошъ: созвездіе Рака теперь – въ соединении съ солнцемъ; царица на благо человечества родитъ сына, святого младенца удивительной мудрости: онъ или дастъ людямъ светъ знания, или

будетъ править миромъ, если не презреть власть».

Такъ родился святой Будда.

Когда пришло ея время, Майя стояла въ полдень во дворе дворца, подъ пальзой – деревомъ съ могучимъ стволомъ, стройнымъ и высокимъ какъ колонна храма, съ кроной блестящихъ листьевъ и душистыхъ цветовъ. Дерево знало, что время пришло, – все в мире знало объ этомъ – и оно склонило свои ветви и осенило ими величие царицы Майи; земля внезапно породила тысячи цветовъ для мягкаго ложа, а соседняя скала брызнула струей прозрачной воды для омовения. И она безболезненно произвела на светъ сына, на которомъ видны были въ совершенстве все тридцать два знака святого рождения.

Великая вѣсть объ этомъ событіи достигла дворца.

Но когда явился раскрашенный паланкинъ для перенесения его въ домъ, носильщиками оказались четыре стража земли, сошедшіе съ высотъ горы Сумеру – владыки, записывающіе на желѣзныя скрижали все дѣянія людей: духъ востока, чье воинство блещетъ серебряными плащами и жемчужными щитами; духъ юга съ своими кумбхандами, всадниками на синихъ коняхъ съ сафирными щитами: духъ запада со свитой наговъ, на багряныхъ коняхъ и съ коралловыми щитами; духъ севера, окруженный своими якшами, облеченными въ золото, на желтыхъ коняхъ и съ золотыми щитами.

Все эти могущественные боги сошли на землю и взялись за паланкинъ, принявъ образъ и одеяніе простыхъ носильщиковъ. Въ этотъ день боги ходили среди людей, хотя люди не знали о томъ.

Небо было исполнено радостью, оно знало счастье земли, оно знало, что Будда возродился.

Но царь Суддходана не зналъ о томъ.

Предзнаменования тревожили его, пока снотолкователи не объяснили, что долженъ родиться земной властитель Чакравартинъ, могущественный властитель изъ техъ, что являются по одному въ тысячелѣтіе. Семь даровъ получить онъ: чакраратну, божественный метательный дискъ; драгоценный камень; асваратну, гордаго коня, попирающаго облака; белоснежнаго слона,

созданного носить царя; искусного государственного мужа; непобедимаго военачальника; наконецъ, истриратну, жену несравненной красоты, превосходную, утреннюю зарю. И когда царь узналъ про эти дары и увидель дивнаго младенца, повелель онъ устроить въ городе великое празднество. Все дороги были исправлены, улицы окроплены розовой водою, деревья украшены фонарями и флагами, для потехи народа созданы фокусники, фехтовальщики, колдуны, канатные плясуны, прашники, танцовщицы въ блестящихъ нарядахъ съ колокольчиками, звеневшими какъ веселый смехъ, вокруг их неутомимыхъ ногъ; потомъ маски въ оленьихъ и медвежьихъ шкурахъ, укротители тигровъ, борцы, ловцы перепеловъ, барабанщики, дудочники, по данному знаку возбуждающие зрителей къ веселью.

Много купцовъ собралось изъ дальнихъ странъ, и все принесли богатые дары на золотыхъ подносахъ: драгоценныя шали, благовонныя масла, нефритъ, сандалное дерево, небесно-голубую бирюзу, ткани, столь тонкия, что, сложенные въ 12 разъ, оне не закрывали лица отъ нескромныхъ взоровъ, одежды, вышитыя жемчугомъ. Подвластные города прислали царю дани, и все называли царевича Савартхасидъ («преуспевающий») или, кратко, Сиддартха.

Среди чужестранцевъ пришелъ святой седовласый старецъ, Асита, одинъ изъ техъ, чье ухо, давно закрытое для всего земного, внимало лишь небеснымъ звукамъ. Молясь однажды подъ деревомъ, онъ услышалъ песни боговъ, приветствовавшихъ рождение Будды. Долгая жизнь и подвиги воздержания умудрили его, видъ его внушалъ такое почтение, что когда онъ приблизился, царь приветствовалъ его, а царица Майя велела положить младенца къ святымъ ногамъ его. Но, увидя царевича старецъ воскликнулъ: – «Неть, не такъ, царица!» И восемь разъ преклонилъ онъ изможденное лицо свое до самой земли и сказалъ: – «Младенецъ, я поклоняюсь тебе! Ты – он! Я вижу розовый светъ, вижу знаки на ногахъ, вижу на мягкихъ его волосахъ завитокъ Свастики, вижу тридцать два главные священные знака и восемь меньшихъ. Да, ты – Будда. Ты возвестишь законъ и принесешь спасение всемъ, которые познають этотъ законъ. Но я не услышу твоей проповеди, я, давно жаждавший смерти, скоро умру, но все-же я видель тебя! О царь! Узнай, это цветокъ на древе человечества, который въ мириады летъ расцветаетъ лишь одинъ разъ, но, расцвевъ, наполняетъ всю вселенную благоуханиемъ мудрости и сладкимъ медомъ любви. Отъ твоего царскаго корня возросъ небесный лотосъ! Благословенъ твой домъ! Но счастье его не полно! Изъ-за этого мальчика мечъ пронзить сердце твое. Ты, кроткая царица, ради рожденнаго тобою стала сокровищемъ для всехъ боговъ и людей, ты слишкомъ свята для новыхъ страданий, а жизнь есть страдание, и потому черезъ семь дней ты достигнешь

безболезненного конца всех мук!»

Все сбылось, какъ сказалъ старецъ. На седьмой вечеръ царица Майя уснула съ улыбкою на устахъ и не проснулась больше: съ радостью переселилась она въ небо Трайя-стриншъ[1 - Небо Трайя-стриншъ или Трайя-стримсъ есть небо боговъ – Индры и др.], где безчисленные боги поклоняются ей и окружаютъ своими заботами лучезарную мать.

Для ребенка же нашлась кормилица царевна Магапражапати. Молокомъ ея груди питался тотъ, чьи уста, чье слово служить утешениемъ мировъ.

Когда отрокъ достигъ восьми летъ, заботливый царь решилъ обучить его всему, что долженъ знать царский сынъ. Онъ все еще страшился сделанныхъ ему предсказаний о чудесахъ, о славе и страданияхъ, ожидающихъ Будду. Поэтому, собравъ вокругъ себя всехъ своихъ советников, онъ ихъ спросилъ:

– Скажите, кто всехъ мудрее? Кто можетъ научить сына моего всему, что надлежитъ знать царевичу?

Каждый изъ нихъ сказалъ ему:

– Царь! Всехъ мудрее – Висвамित्रа. Онъ проникъ всехъ глубже въ тайны писания, онъ всехъ превосходитъ ученостью, знаниемъ ремесль, и всемъ прочимъ.

Висвамित्रа былъ призванъ и выслушалъ приказъ царя. И вотъ, въ благоприятный для начала учения день, взявъ царский сынъ доску изъ красного сандалнаго дерева, украшенную драгоценными камнями и усыпанную пылью наждака, взявъ ее, взявъ трость и сталъ, скромно опустивъ глаза, предъ мудрецомъ.

И мудрецъ сказалъ ему:

– Дитя, напиши вотъ это!

И онъ медленно произнесъ: «Гайятри» – стихъ, который могутъ слышать одни лишь высшие по рождению.

– Ачарья, я пишу, кротко сказалъ царевичъ.

Быстро вывелъ онъ по пыли святой стихъ, изобразилъ не однимъ, а многими начертаниями священный стихъ: Нагри и Дакшинъ, Ни, Мангаль, Паруша, Ява, Тирти, Укъ, Дарадъ, Сикьяни, Мана, Мадъачаръ; начертилъ его и на языке образовъ, и на языке знаковъ, на языке пещерныхъ людей и приморскихъ жителей, на языке поклонниковъ живущихъ подъ землею змей и на языке поклонниковъ огня и поклонниковъ солнца, и на языке маговъ, и на языке горныхъ жителей. Все различныя письма различныхъ народовъ изобразилъ онъ своею тростью и прочелъ стихъ учителя на языкахъ всехъ народовъ. И сказалъ Висвамित्रа:

– Довольно, перейдемъ къ цифрамъ! Повторяй за мной, считай такъ, какъ я буду считать, пока дойдемъ до Лакхъ[2 - Лакха значить сто тысячъ.]: одинъ, два, три, четыре, затемъ десятки, и сотни, и тысячи.

И вслѣдъ за нимъ назвалъ отрокъ единицы, десятки, сотни и не остановился на кругломъ лакхе; нѣтъ, онъ шепталъ дальше, до техъ чиселъ, которыми можно счесть все, начиная отъ зеренъ на поле и до самой мелкой песчинки.

Потомъ онъ перешелъ къ катхе, къ счету звездъ ночныхъ, къ кати-катхе, счету морскихъ капель, и далее къ, счету песчинокъ Ганга и къ счету, единицами котораго изображается весь песокъ десяти лакхъ Ганга. Затемъ пошли еще более громадныя числа: сумма всехъ дождевыхъ капель, которыя, при ежедневномъ дожде, упадутъ на всю вселениную въ течение десяти тысячъ летъ, и, наконецъ, число, при помощи котораго боги вычисляютъ свое прошедшее и будущее.

– Хорошо, – сказала мудрецъ, – если ты, благороднейшій царевичъ, знаешь все это, то не научить ли мнѣ тебя измерению длины?

– О, Ачарья! Будь милостивъ, смиренно отвечалъ отрокъ, – выслушай меня: десять параманусовъ составляютъ парасукшну, десять же парасукшнъ образуютъ трасарену, а десять трасаренъ – одну пылинку, играющую въ луче солнца; семь пылинокъ равняются кончику усика мыши; десять кончиковъ усика мыши образуютъ ликью, десять же ликий – юку, а десять юкъ равняются сердцевине ячменнаго зерна, что семь разъ уложится въ перехватѣ туловища осы; затемъ идетъ зерно манги, затемъ зерно горчицы и далее зерно ячменя;

десять зеренъ ячменя равняются суставу пальца; двенадцать суставовъ составляютъ пядень; затемъ идетъ локоть, жезлъ, длина лука, длина копья; длина лука, взятая двадцать разъ, называется «вздохомъ» и показываетъ пространство, какое можетъ пройти человек, набравъ воздухъ въ легкия и ни разу не выдохнувъ его; сорокъ вздоховъ составляютъ округъ; четыре округа равняются иожане. И, о учитель, если желаешь, я пересчитаю, сколько атомовъ можетъ уместиться въ иожане отъ одного ея конца до другого?

И затемъ, молодой царевичъ, ни мало не колеблясь, правильно определилъ сумму всехъ этихъ атомовъ. Но Висвамित्रа ужъ слушалъ, преклонивъ голову передъ отрокомъ.

– Ты, – вскричалъ онъ, – долженъ быть учителемъ своихъ учителей! Не я гуру[3 - Гуру – учитель.], а ты! Я преклоняюсь предъ тобой, о царевичъ! Ты захотелъ учиться у меня только для проявления присущаго тебе познания, не нуждающагося въ помощи книгъ и совмещающагося съ почтительнымъ отношениемъ къ старейшимъ!

И въ самомъ деле, господь Будда выказывалъ почтение къ своимъ учителямъ, хотя превосходилъ мудростью всехъ ихъ. Речи его были смиренны и притомъ всегда разумны; видъ величественъ, хотя и кротокъ. Скромный, терпеливый, добродушный, онъ въ то же время не зналъ страха. Смелее всехъ своихъ товарищей мчался онъ на коне за робкими газелями; всехъ быстрее несся онъ въ своей колеснице по дворамъ дворца. Но среди веселой охоты юноша часто останавливался и давалъ возможность травимому зверю скрыться; на скачке онъ, почти выигравъ призъ, вдругъ задерживалъ коня, если замечалъ, что усталость животного была чрезмерна, или что проигрышъ можетъ огорчить соперниковъ, или если случалось, что какая – нибудь новая мысль внезапно овладевала его умомъ. Съ годами сострадание все более и более росло въ душе господа нашего: такъ изъ двухъ мягкихъ листовъ вырастаетъ большое дерево, широко распространяющее свою тень. А между темъ царский сынъ зналъ только по имени печаль, горе, слезы, – все что цари никогда не испытываютъ и никогда не могутъ испытать.

Но вотъ въ одинъ весенний день надъ царскимъ садомъ пролетала стая белыхъ лебедей, направляясь къ северу, къ Гималаямъ, чтобы тамъ свить себе гнезда. Прекрасныя птицы сзывали другъ друга песнями любви, и вся белая стая неслась къ снежнымъ вершинамъ, куда влекла ее любовь. Двоюродный братъ царевича, Девадатта, натянулъ лукъ и пустилъ стрелу, которая попала прямо

подъ могучее крыло лебедя, летевшаго впереди стаи, широко расправивъ крылья въ голубомъ просторе небесъ. Онъ упалъ, и ярко-красныя капли крови обагрили белыя перья на томъ месте, куда попала злая стрела. Увидевъ это, царевичъ Сиддартха осторожно взялъ птицу и положилъ ее себе на колени: онъ сиделъ въ это время на скрещенныхъ ногахъ, какъ сидитъ обыкновенно господь Будда. Ласками прогналъ онъ страхъ прекрасной птицы, привелъ въ порядокъ смятыя перья ея, успокоилъ трепетавшее сердце, тихо гладилъ ее ладонью, нежной, какъ еле распутившийся листокъ райской смоковницы. Левая рука его держала лебедя, а правою онъ вытаскилъ смертоносную сталь изъ раны и положилъ на нее свежихъ листьевъ и целебнаго меду. Чувство боли было до техъ поръ еще такъ неизвестно мальчику, что онъ изъ любопытства вонзилъ себе въ руку острие стрелы; уколъ заставилъ его содрогнуться, и онъ, со слезами на глазахъ, сталъ снова ухаживать за птицей.

Но вотъ подошелъ слуга и сказалъ:

– Мой князь убилъ лебедя, который упалъ среди этихъ розовыхъ кустовъ. Онъ велелъ мне просить тебя прислать ему птицу. Пришлешь ли ты ее?

– Нетъ, отвечалъ Сиддартха, – если бы птица была мертва, ее следовало бы отослать тому, кто убилъ ее. Но лебедь живъ. Мой братъ убилъ только божественную силу, действовавшую въ беломъ крыле.

Въ ответъ на это Девадатта сказалъ:

– Дикая птица, живая или мертвая, принадлежитъ тому, кто ее подстрелилъ. Пока она летала въ облакахъ, она никому не принадлежала, разъ она упала – она моя. Милый братъ, отдай мне мою добычу!

Сиддартха прижалъ шею лебедя къ своей нежной щеке и торжественно произнесъ:

– Нетъ! Я говорю – нетъ! Птица мне принадлежитъ! Она первая изъ мириады существъ, которыя будутъ моими по праву милосердия, по праву любви! По темъ чувствамъ, которыя волнуютъ меня теперь, я знаю, что я буду учить людей состраданию, я буду предстателемъ всего безгласнаго мира, я остановлю потокъ страдания не для однихъ только людей. Но если ты, князь, не согласенъ со мною, отдадимъ нашъ споръ на решение мудрецовъ и подождемъ ихъ

приговора!

Такъ и было сделано. Полное собрание совета обсуждало ихъ споръ: – одинъ высказывалъ одно мнение, другой – другое; наконецъ, поднялся никому неизвестный священнослужитель и произнесъ:

– Если жизнь имеетъ цену, то живое существо должно бы принадлежать тому, кто спасъ его жизнь, а не тому, кто намеревался убить его; убийца губить и уничтожаетъ жизнь, милосердый поддерживаетъ и охраняетъ ее. Отдайте же ему птицу!

И все нашли этотъ приговоръ справедливымъ.

Но когда царь сталъ искать мудреца, чтобы поклониться ему – онъ исчезъ: кто-то виделъ только, какъ змея выскользнула изъ комнаты.

Боги часто являются такимъ образомъ среди людей.

Такъ господь Будда положилъ начало своимъ деламъ милосердия.

До этой минуты царевичъ виделъ страдание только одинъ разъ: страдание подстреленной птицы, которая, впрочемъ, скоро выздоровела и весело вернулась къ родной стае.

Но вотъ однажды царь сказалъ ему:

– Пойдемъ, мой дорогой сынъ, полюбуйся красотою весны, посмотри на усердие, которое прилагаютъ люди къ обработке плодоносной земли для того, чтобы она поделилась съ пахаремъ своими дарами; посмотри на мои поля, – они будутъ твоими, когда для меня запылаетъ костеръ – какъ они даютъ всякому пищу и наполняютъ житницы царя. Весна хороша своими свежими листьями, зеленою травой, яркими цветами, песнями этой рабочей поры.

И они отправились туда, где зеленели сады и шумели ручьи, туда где тучную почву вспахивали тяжелые плуги, запряженные быками, на могучихъ плечахъ которыхъ скрипели ярма. Плодоносная красная глина приподнималась и падала длинными, мягкими волнами вокругъ плуга, тогда-какъ работникъ ставилъ на

него обе ноги, стараясь провести борозду сколь возможно глубже. А изъ-за пальмъ слышалось журчанье воды въ роднике, и всюду, где протекаль ручей, благодарная земля окаймляла его берега благоуханными цветами и стройными стеблями душистаго тростника. Дальше виднелись сеятели, вышедшие сеять. Въ чаще весело щебетали птицы, сплетавшия себе гнезда. Рощи кишели мелкими животными – ящерицами, пчелами, жуками, пресмыкающимися, и все они наслаждались весною. Колибри блистали среди ветвей манго, пестрый рыболовъ носился надъ прудомъ, белая цапля гордо шагала по лугу, ястребы кружились въ воздухе, павлины летали вокруг расписаннаго храма, сизые голуби ворковали на берегу ручья, а изъ отдаленной деревни барабанный бой сзываль народъ на свадебный пиръ.

Все говорило о мире и довольстве, царевичъ видель это и былъ доволенъ.

Но вотъ, присмотревшись ближе, онъ заметилъ шипы на розахъ жизни. Онъ заметилъ, какъ загорелый крестьянинъ обливается потомъ, чтобы заработать плату, какъ онъ изнемогаетъ, чтобы купить себе право жить, какъ, онъ въ знойные полуденные часы погоняетъ большеглазых, быковъ и колотить ихъ палкою по бархатистымъ бедрамъ; онъ заметилъ, что ящерица есть муравьевъ, а змея – ящерицъ, что змеи и ящерицы, въ свою очередь, служатъ пищею коршуну; что рыболовъ отнимаетъ добычу у зимородка, что балабанъ гоняется за соловьемъ, а соловей – за пестрокрылыми бабочками; что всюду всякий убиваетъ убийцу и самъ становится жертвой убийцы; что жизнь питается смертью.

Подъ красивою внешностью скрывается всеобщий свирепый, мрачный заговоръ взаимнаго убийства, все имъ охвачены отъ червя до человека, который убиваетъ себе подобныхъ. Когда онъ увидель все это: и голоднаго пахаря, и усталаго быка съ шеей, истертой ярмомъ, и общую жажду жизни, вынуждающую все живое къ дикой борьбе, тогда вздохнулъ онъ глубоко. – Неужели это, – сказалъ онъ, – та счастливая земля, которую вы хотели мне показать? Какимъ тяжелымъ потомъ омочень хлебъ земледельца! Какъ утомительна работа вола! Какую ожесточенную войну ведетъ въ лесу и сильный и слабый! Сколько битвъ происходитъ и въ воздухе! Даже вода не можетъ служить убежищемъ! Отойдите отъ меня на время, дайте мне обдумать все то, что я теперь узнал!

Сказавъ это, селъ милостивый господь, Будда подъ деревомъ Джамбу, селъ, скрестивъ ноги такъ, какъ его обыкновенно изображаютъ на священныхъ статуяхъ, и началъ въ первый разъ размышлять о страданияхъ жизни, объ ихъ

источникахъ и о средствахъ помочь имъ. Сердце его наполнилось столь великимъ состраданиемъ, столь широкою любовью ко всему живущему, столь страстнымъ желаниемъ облегчить общую скорбь, что силой этой любви, этого желанія духъ его перешелъ въ состояние экстаза, и юноша очистился отъ всякаго смертнаго ощущения и сознания и достигъ, такимъ образомъ, «дьяны», первой ступени на пути спасения.

Въ этотъ часъ пролетали пять священныхъ духовъ (риши); крылья ихъ затрепетали, когда они приблизились къ дереву.

– Какая высшая сила заставляетъ насъ уклоняться съ пути? – вопрошали они другъ друга.

Духи чувствуютъ силу боговъ и святое присутствие чистыхъ. И, взглянувъ внизъ, увидели они Будду, увенчанный сияніемъ розовыхъ лучей и погруженный въ мысль о спасеніи мира. И услышали они голосъ бога, хранителя леса:

– Риши, это спаситель мира! Спуститесь на землю и поклонитесь ему! И лучезарные спустились, сложили крылья а пропели ему хвалебную песнь. Затемъ они снова поднялись и понесли богамъ благую вѣсть.

Царь послалъ слугу искать царевича, и он нашелъ его по-прежнему погруженного въ размышленіе, хотя полдень уже прошелъ и солнце быстро склонялось за горы запада.

Все тени передвинулись, но тень древа Джамбу оставалась недвижной и осеняла его, не давая косымъ лучамъ солнца коснуться священной главы.

И слуга, видевшій это, услышалъ изъ розоваго куста:

– Не троньте царевича! Пока тень печали не оставитъ сердца его, моя тень не двинется съ мѣста!

Книга вторая

Когда господь нашъ достигъ восемнадцати лет, царь приказалъ построить для него три великолепныхъ дома; одинъ теплый, для зимы, былъ сложенъ изъ правильно отесанныхъ бревенъ и обшитъ кедромъ; другой прохладный, для летнихъ жаровъ, былъ весь изъ мрамора, и третий изъ кирпича, выложенный синими черепицами, предназначался для весны. Дворцы эти назывались: Субха, Сурамма и Рамма.

Вокругъ нихъ цвели прелестные сады, журчали быстрые потоки, раскидывались благоухающия рощи съ изящными беседками и красивыми полянами. Тамъ могъ нагуляться Сиддартха вволю и каждый часъ могъ онъ встречать новыя для него удовольствия. Много провелъ онъ тамъ счастливыхъ дней юности, – поры, когда молодая кровь быстро струится по жиламъ, но тень раздумья не покидала его, подобно туче, омрачающей серебристую гладь озера.

Царь, заметивъ это, созвалъ своихъ министровъ:

– Вспомните, – сказалъ онъ, – что говорилъ старый риши, а также и то, что предсказали ранее снотолкователи: этотъ юноша, более дорогой для меня, чѣмъ кровь моего сердца, будетъ великимъ государемъ, онъ сокрушитъ всехъ враговъ, онъ будетъ царемъ надъ царями! Эти слова запечатлелись въ сердце моемъ! Или, можетъ быть, онъ изберетъ печальный и смиренный путь самоотречения и благочестивыхъ страданий, станетъ стремиться къ неизвестному благу, потерявъ все, что стоитъ хранить. Къ этому пути обращаетъ онъ жадные взоры среди великолепий моихъ дворцовъ... Вы мудры, посоветуйте мне, какъ удержать его на той гордой стезе, по которой онъ долженъ идти, чтобы исполнить все предзнаменования, обещавшия ему власть надъ миромъ, если онъ не презритъ власть. Старейший изъ министровъ произнесъ:

– Великий государь! Любовь исцелить этотъ легкий недугъ. Надобно, чтобы чары женщины пленили сердце царевича. Благородный юноша еще не знаетъ, что такое красота, что такое глаза, заставляющіе насъ забывать небо, что такое поцелуй благоуханныхъ устъ. Окружи его очаровательными женщинами, прелестными участницами игръ! Мысль, которую не сковать железными цепями, легко можно связать женскимъ волосомъ!

Все советники одобрили это мнение, но царь сказалъ:

– Мы можемъ отыскать для него женщинъ, но, ведь, любовь выбираетъ не чужими глазами. Мы окружимъ его цветникомъ красавицъ, чтобы онъ могъ сорвать любой цветокъ, а онъ улыбнется и отвернется отъ неизведаннаго имъ наслаждения.

Тогда проговорилъ другой:

– Колеблется стрелокъ, прежде чемъ спустить нацеленную стрелу. Царевича, какъ и менее высокихъ существъ, очаруетъ одна женщина, одно лицо блеснетъ ему райской красотой, одинъ образъ представится ему прелестнее утренней зари, пробуждающей миръ. Сделай, какъ я скажу тебе, государь! Устрой праздникъ, и пусть на немъ все молодые девушки твоего царства состязаются въ красоте и телесныхъ упражненiяхъ, обычныхъ въ земле Сакьевъ. Пусть царевичъ раздаетъ награды красавицамъ, и когда прелестныя победительницы будутъ проходить мимо него, мы заметимъ, которая изъ нихъ прогонитъ облако печали съ нежнаго чела его. Такимъ образомъ предметъ любви будетъ избранъ глазами любви, и мы заманимъ царевича въ сети счастья.

Советъ былъ принятъ. Назначили день и разослали глашатаевъ сзывать всехъ молодыхъ, красивыхъ девушекъ во дворецъ на состязание. Царевичъ долженъ былъ оделять ихъ дорогими подарками, но самый дорогой отдать победительнице. На этотъ призывъ девушки Капилавасту толпами направились къ воротамъ дворца. Все оне гладко причесали и перевязали свои черные волосы, подкрасили сурьмой ресницы, омылись свежей водой, облились благовониями. Все оне надели самыя нарядныя платья и шали, разрисовали пурпуромъ нежныя руки и ноги, и ярко подкрасили знаки, отмечавшiе ихъ лбы[4 - Въ Индии по настоящее время принадлежность къ той или другой секте, обозначается условнымъ знакомъ, нарисованнымъ на лбу.].

Чудное зрелище представляли эти молодые индианки, проходившия мимо трона съ опущенными въ землю черными глазами. Когда оне увидели царевича, трепетавшия сердца ихъ забились благоговениемъ не къ его высокому сану, а къ тому безстрастному спокойствию, которое возвышало его надъ всеми ими. Оне принимали дары съ опущенными ресницами, не осмеливаясь поднять на него глазъ. Когда народъ приветствовалъ красавицу, более другихъ достойную царской улыбки, она, робкая какъ антилопа, едва касалась его милостивой руки и спешила скрыться въ толпе подругъ, страшась заслужить предпочтение того, кто казался слишкомъ божественнымъ и высокимъ, слишкомъ святымъ, слишкомъ возвышеннымъ надъ ея миромъ. Такъ проходили, одна за другой,

вереницы прелестныхъ девушекъ, лучшихъ цветовъ города. Уже прошли последняя, все подарки были розданы, когда позади всехъ явилась молодая Ясодхара. Придворные, стоявшие около Сиддартхи, заметили, что царевичъ вздрогнулъ при приближении лучезарной красавицы. Станъ богини, походка Парвати, глаза – что глаза лани въ весеннюю пору, лице, очарование котораго не изобразить словами – она одна посмотрела прямо въ глаза юноше, она стояла предъ нимъ, скрестивъ руки на груди, не склоняя гордой головы.

– Найдется-ли подарокъ и для меня? – спросила она и улыбнулась.

– Я роздалъ все подарки, – отвечалъ царевичъ, – но взаменъ ихъ, любезная сестра, чьей красой гордится нашъ городъ, возьми вотъ это!

И онъ снялъ съ шеи изумрудное ожерелье и обвилъ зеленою цепью ея смуглый станъ; глаза ихъ встретились и пламя любви вспыхнуло въ ихъ сердцахъ.

Много летъ спустя, во время полного просветления, ученики спросили господу Будду, почему, при первомъ же взгляде на девушку изъ рода Сакьевъ, такъ загорелось сердце его, и онъ отвечалъ:

– Мы не были такъ чужды другъ другу, какъ это казалось и намъ самимъ, и всемъ постороннимъ. Въ давнопрошедшие века, сынъ одного охотника игралъ съ лесными девами у истоковъ Ямуны, тамъ, где стоитъ Нандадеви; они бегали взапуски среди елей, словно зайцы на вечерней заре, а онъ былъ у нихъ судьей, – одной онъ далъ венокъ изъ астръ, другой – изъ длинныхъ перьевъ фазана, третьей – изъ еловыхъ шишекъ. Но та, которая прибежала последнею, казалась ему первою. Ей подарилъ юноша ягненка ручной козули и свою любовь. Много счастливыхъ летъ прожили они въ лесу, въ лесу же пришла къ нимъ и смерть, и даже она не разлучила ихъ. Знайте, какъ после бездождья прорастаетъ семя, много летъ лежавшее скрытымъ въ земле, такъ добро и зло, горе и радость, ненависть и любовь, все давно прошедшия дела возрождаются вновь, принося светлые или темные листья, сладкие или горькие плоды. Сынъ охотника – то былъ я, дева лесовъ – она. Колесо рождения и смерти свершило свой оборот и то, что было когда-то, должно снова повториться!

Но те, которые наблюдали за царевичемъ во время раздачи подарковъ, видели и слышали все, и обо всемъ донесли царю; они рассказали, какъ рассеянно сидель Сиддартха, пока не явилась дочь Супрабудды, Ясодхара; какъ при первомъ

взгляде на нее онъ изменился; какъ они смотрели другъ на друга; какъ онъ отдалъ ей драгоценное ожерелье и какъ красноречивы были ихъ взоры. Добрый царь улыбнулся.

– Мы нашли приманку, – сказалъ онъ, – подумаемъ теперь, какъ намъ заставить сокола спуститься ради нея съ облаковъ. Надо послать пословъ просить для моего сына руки этой девушки.

Но, по обычаю Сакьевъ, юноша, сватаясь за красивую, достойную любви, девушку изъ благороднаго дома, долженъ былъ прежде всего вступить въ состязание со всеми ея прочими женихами. Отъ этого обычая не могли отступить сами цари. И потому отецъ девушки сказалъ:

– Доложите царю: за мою дочь сватается много князей изъ ближнихъ и дальнихъ стран; если сынъ твой сумеетъ лучше ихъ натягивать лукъ, владеть мечемъ и скакать на коне; если ему удастся превзойти всехъ ихъ во всемъ, тогда и для насъ онъ будетъ всехъ приятнее. Но какъ это можетъ быть, если онъ ведетъ жизнь отшельническую?

Опечалилось сердце царя: напрасно было сыну его свататься за прелестную Ясодхару, не могъ онъ состязаться съ Девадаттой – первымъ стрелкомъ, съ Арджунной, укротителемъ самыхъ свирепыхъ коней, съ Нандой, владеющимъ мечемъ какъ никто.

Но царевичъ тихо улыбнулся и молвилъ: – Всему этому и я учился; возвести, что сынъ твой готовъ состязаться со всякимъ, кто пожелаетъ! Надеюсь, что я не потеряю мою возлюбленную въ этой борьбе!

Тогда царь велелъ возвестить, что на седьмой день царевичъ Сиддартха приглашаетъ всякаго, кто желаетъ, состязаться съ нимъ во всехъ воинскихъ упражненьяхъ; Ясодхара будетъ наградой победителя.

Въ седьмой день все благородные Сакьи изъ городовъ и селъ собрались на майданъ.

Ясодхара прибыла туда же со своими родными; ее везли, какъ невесту, съ музыкой, въ пестро-украшенномъ паланкине, запряженномъ золоторогими быками, убранными цветами.

Женихами ея объявились Девадатта, юноша царской крови, Нанда и Арджуна, оба благородного происхождения – цветъ молодежи.

Царевичъ подъехал на своемъ беломъ коне, Кантаке, и конь заржалъ при виде такого множества чужихъ, незнакомыхъ людей. Сиддартха также смотрелъ съ изумлениемъ на весь этотъ народъ, стоявший по рождению гораздо ниже трона, живший и питавшийся иначе, чемъ царь, и въ то-же время испытывавший, быть можетъ, одинаковыя съ царемъ радости и страдания. Но когда царевичъ увиделъ прелестную Ясодхару, светлая улыбка осенила лице его, онъ придержалъ шелковые поводья, спустился с широкой спины Кантаки на землю и вскричалъ:

– Тотъ не достоинъ этой жемчужины, кто не превзойдетъ всехъ! Пусть мои соперники покажутъ, не былъ ли я слишкомъ дерзокъ, притязая на ея руку!

Тогда Нанда предложилъ состязание въ стрельбе из лука; онъ далеко поставилъ свой медный барабанъ, Арджуна сделалъ тоже, а Девадатта поставилъ свой еще дальше, царевичъ же Сиддартха попросилъ поставить свой барабанъ такъ далеко, что онъ казался не больше раковины. И они спустили стрелы: Нанда прострелилъ свой барабанъ, а Арджуна – свой, а Девадатта метко-пущенной стрелой попалъ въ оба значка своей мишени, такъ что все присутствовавшие приветствовали его криками восторга, а прелестная Ясодхара опустила золотое покрывало на испуганные глаза, чтобы не видетъ, какъ промахнется царевичъ, а онъ, онъ схватилъ лукъ изъ лакированного камыша, съ тетивой изъ сухожилий, скрепленныхъ серебряной проволокой, тотъ лукъ, что могли согнуть лишь руки силача, иовертель его, тихо улыбаясь, и натянулъ тетиву такъ, что оба конца – сошлись и толстое древко лопнуло.

– Это игрушка, не съ этимъ бороться за любовь! – сказалъ онъ. – Нетъ ли у кого лука более пригоднаго для благородныхъ Сакьевъ?

– Въ храме съ давнихъ поръ хранится лукъ Синхахону, – отвечали ему, – никто не могъ до сихъ поръ натянуть его, или, натянувъ, спустить!

– Принесите мне, – вскричалъ онъ, – это оружие, достойное воина!

Ему принесли древний лукъ, кованный изъ блестящей стали, съ золотой оправой по обоимъ концамъ, согнутымъ на подобие роговъ буйвола. Дважды попробоваль Сиддартха крепость его на своемъ колене и затемъ сказалъ:

– Пустите-ка стрелу изъ этого лука, братцы! Но ни одинъ изъ нихъ не могъ согнуть ни на палецъ упрямый лукъ. Тогда, слегка нагнувшись, царевичъ согнулъ лукъ безъ усилия вложилъ крюкъ въ зарубку и такъ сильно натянулъ тетиву, что она, подобно крылу орла, разсекающаго воздухъ, издала громкий, чистый звукъ.

– Что это такое? Что за звукъ? – спрашивали немощные, оставшиеся въ этотъ день дома.

– Это звукъ лука Синхахону, – отвечали имъ, – царевичъ натянулъ его и готовится выстрелить.

Онъ выбралъ крепкую стрелу, прицелился и спустилъ ее. Меткая стрела взвилась къ небу, пронизала барабанъ, стоявший далее всехъ, но не остановилась въ своемъ полете, а пронеслась дальше по равнинам и скрылась изъ глазъ.

После этого Девадатта предложилъ состязание на мечахъ; онъ разсекъ пальмовое дерево въ шесть пальцевъ толщины, Арджуна – въ семь, а Нанда – въ девять; рядомъ стояло дерево съ двумя сросшимися стволами, мечъ Сиддхартхи разсекъ его однимъ молниеноснымъ ударомъ, ударомъ такимъ меткимъ и ловкимъ, что подрубленные стволы продолжали стоять неподвижно, и Нанда вскричалъ: «онъ промахнулся!» И Ясодхара снова задрожала при виде прямо стоявшихъ деревьевъ. Но вотъ боги воздуха, наблюдавшие за всемъ, подули легкимъ южнымъ ветеркомъ, и обе зеленая вершины, метко-разсеченныя, упали на песокъ.

После этого привели коней, породистыхъ, ретивыхъ, и три раза объехали соперники кругомъ майдана, перегоняя другъ друга, но белый Кантака оставлялъ далеко за собою самыхъ лучшихъ скакуновъ, онъ несся такъ быстро, что пока клокъ пены долеталъ изъ его рта до земли, онъ пробегалъ уже расстояние, равное длине двадцати копий. Но тутъ Нанда сказалъ:

– Съ такимъ конемъ, какъ Кантака, каждый изъ насъ обгонитъ всехъ, приведите необъезжаннаго коня, и посмотримъ, кто лучше укротитъ его!

Слуги привели черного, какъ ночь, жеребца, Его держали на трехъ цепяхъ, глаза его пылали, ноздри раздувались, грива развивалась по ветру. На немъ не было ни подковъ, ни седла, до сихъ поръ никто не садился на него. По три раза пытался каждый молодой Сакья вскочить на его могучую спину, но, конь приходилъ въ ярость и каждый разъ сбрасывалъ пристыженнаго ездока на песокъ. Одному только Арджуне удалось удержаться несколько минутъ, онъ велелъ снять цепи, ударилъ кнутомъ по чернымъ бедрамъ, схватилъ умелой рукой узду и такъ крепко притянулъ челюсти коня, что дикое животное, вне себя отъ злобы и страха, обежало одинъ разъ вокругъ ристалища, но вдругъ оно обернулось съ оскаленными зубами, схватило Арджуу за ногу, стащило на землю и, наверное, растоптало бы до смерти, если бы подоспевшимъ слугамъ не удалось снова накинуть на него цепи. Тогда народъ закричалъ:

– Не давайте Сиддартхе касаться этого злого духа, въ его печени – буря, его кровь – красное пламя!

Но царевичъ сказалъ:

– Отпустите цепи, дайте мне взять его чолку! Онъ взялъ коня за чолку, спокойно подержалъ его, шепнулъ ему какое-то слово, положилъ ладонь на глаза его, тихо погладилъ его по свирепой морде, по шее, по вздымавшимся бедрамъ, на диво всемъ, черный конь склонилъ гордую голову и стоялъ кротко, покорно, какъ бы признавъ владыку и преклоняясь предъ нимъ. Онъ не шевельнулся, пока Сиддартха садился на него, а потомъ пошелъ ровнымъ шагомъ, повинаясь узде и движению ноги, так-что все присутствовавшие закричали:

– Кончено состязание! Сиддартха всехъ достойнее!

И все женихи согласились: «онъ всехъ достойнее!» А Супрабудда, отецъ девушки, сказалъ:

– Въ глубине сердца мы всегда считали тебя достойнейшимъ, потому-что для насъ ты былъ всехъ милее. Какимъ-то волшебствомъ ты среди розъ твоихъ садовъ, среди твоихъ мечтаний приобрелъ ловкость воина въ большей степени, чемъ другие на войне, на охоте, въ ручныхъ работахъ! Бери же, прекрасный

царевичъ, сокровище, которое ты приобрелъ как награду!

По его слову встала красавица индианка съ своего места, взяла венокъ изъ цветовъ могры, опустила черно-золотое покрывало на лобъ и, гордо пройдя мимо всехъ юношей, приблизилась къ Сиддартхе, божественная краса котораго, какъ будто, приобрела теперь новый блескъ отъ близости черного коня, покорно склонявшаго гордую шею подъ его рукою. Она смиренно поклонилась царевичу и открыла передъ нимъ лицо свое, сиявшее радостною любовью; на шею его надела она свой душистый венокъ, на грудь его склонила свою прелестную головку и, опустясь къ ногамъ его, произнесла съ горделивою радостью:

– Возьми меня, царевичъ, я твоя!

И весь народъ ликовалъ, когда они пошли вместе, рука объ руку, съ сердцами, бьющимися взаимною любовью. Черно-золотое покрывало ея было вновь опущено на лицо.

Значительное время миновало, настало просветление, ученики Будды стали спрашивать его обо всемъ и, между прочимъ, почему у нея было это черно-золотое покрывало и почему шла она такою гордою поступью. Всепочитаемый отвечалъ имъ:

– Мне это было неизвестно, хотя казалось наполовину известнымъ: колесо рождения и смерти обращается, и вместе съ темъ возвращаются давно прошедшия события и мысли, возрождаются давно погребенныя жизни. Я вспоминаю теперь, что мириады летъ тому назадъ, я, въ виде тигра, рыскалъ по лесамъ Гималайскихъ горъ вместе съ подобными мне голодными полосатыми зверями. Я, Будда, я прятался въ траве и блестящими глазами следилъ за стадами, которыя паслись около моего убежища и приближались ко мне, не чую смерти, а ночью, при звездахъ, я рыскалъ за добычей дикий, ненасытный, вынюхивая следы людей и зверей. Среди животныхъ, съ которыми я сходилъ въ то время, я встретилъ где-то въ глубокомъ болоте или въ густомъ тростнике тигрицу, самую красивую изъ всехъ самокъ, изъ-за которыхъ бьются самцы. У нея была черная шкура, съ золотыми полосами, какъ то покрывало, которое Ясодхара надела для меня. У насъ въ лесу велись ожесточенныя битвы зубами и когтями, а гордая тигрица лежала и смотрела, какъ мы терзали другъ-друга изъ-за обладания ею. И я помню, какъ, наконец, она, мурлыча, прошла мимо царей леса, побежденных мною, ласково облизала мои вздымавшися от усталости бедра и гордо последовала за мною в чашу предаться утехамъ любви. Колесо

рождения и смерти вечно обращается сверху вниз, снизу вверх!

Итакъ, царевичъ получилъ девушку, добровольную награду за победу; и когда созвездия оказались благоприятными, когда Меша – Красный Олень – владычествовалъ надъ небомъ, отпраздновали брачный пиръ, по обычаю Сакьевъ. Поставили золотой тронъ, разостлали коверъ, развесили брачные венки, перевязали молодымъ руки, разломали сладкий пирогъ, разсыпали рисъ, разлили розовое масло, спустили на подкрашенное молоко две соломинки, которыя, сойдясь вместе, означаютъ «любовь до смерти»; сделали три раза по семи шаговъ вокругъ огня, раздали дары святымъ мужамъ, оделили нищихъ, принесли жертвы в храме, пропели мантры[5 - Мантры – молитвы и хвалебныя песни, содержащияся въ Ведахъ.]; связали вместе одежды жениха и невесты. Тогда седовласый отецъ невесты сказалъ: – «Многочтимый царевичъ! Та, что до сихъ поръ была нашею, стала твоею; будь добръ къ ней, вся ея жизнь въ тебе!» – После этого привели съ пениемъ и музыкой прелестную Ясодхару въ объятия царевича и везде во всемъ царствовала любовь.

Но царь разсчитывалъ не на одну только любовь.

Онъ велелъ соорудить для нея великолепную темницу, увеселительный дворецъ царевича Витрамванъ – чудо, подобнаго которому не было на земле. Среди обширныхъ парковъ дворца возвышался зеленый холмъ, подножие котораго омывалъ потокъ Рохини, бегущий со склоновъ Гималаевъ и несущий, свою дань въ воды Ганга. На юге рощи тамариндовъ и гряды густо разросшихся небесно-голубыхъ цветовъ отделяли эту местность отъ всего остального мира, такъ – что городской шумъ долеталъ туда, какъ легкое жужжание пчелъ въ кустахъ. На севере тянулись девственные уступы могучихъ Гималаевъ; они большими террасами возвышались въ поднебесье, неприступные, бесконечные, волшебные; ихъ обширныя плоскогорья, ихъ гребни и скалы, утесы, зеленые склоны, снежныя вершины, ущелья и пропасти вели восходящую мысль все выше и выше, пока она, какъ будто, достигала неба и молча беседовала съ богами. Ниже области снеговъ тянулись темные леса, закутанные пеленой облаковъ, прорезанные бешеными водопадами, еще ниже зеленели рощи палисандровыхъ и хвойныхъ деревьевъ, где эхо повторяло крикъ фазановъ, ревъ пантеръ, топотъ дикихъ барановъ и крики орловъ, кружащихся въ воздухе. Еще ниже разстилалась цветущая равнина, какъ роскошный молитвенный коверъ, передъ этимъ божественнымъ алтаремъ. Прямо противъ этой панорамы строители воздвигли па вершине холма роскошный дворецъ; съ каждой стороны его возвышались башни, кругомъ шла колоннада, а на столбахъ его были

изсечены сказания древнихъ временъ. Тамъ виднелись Радха и Кришна и девы лесовъ, Сита, Гануманъ и Драупади, а въ среднихъ воротахъ милостиво восседалъ, склоняя на бокъ свой хоботъ, богъ Ганеша съ дискомъ и жезломъ – податель мудрости и богатства.

Извилистыя дорожки вели черезъ садъ и дворъ къ внутреннимъ воротамъ изъ бело-розоваго мрамора, притолки которыхъ были изъ ляписъ-лазули, порогъ – изъ алебаstra, а резныя и расписанныя двери – изъ краснаго дерева. Черезъ эти ворота, по великолепнымъ лестницамъ и решетчатымъ галлереямъ, очарованный путникъ проходилъ въ величественныя залы и уютныя комнаты; онъ ступалъ по разрисованнымъ поламъ, среди колоннадъ, подъ сводами которыхъ били фонтаны, окаймленные лотосомъ и розами; тамъ, въ прозрачныхъ бассейнахъ, блестели красныя, голубыя и золотыя рыбы. Большеглазыя газели щипали свежераспустившияся розы въ залитыхъ солнцемъ нишахъ; птицы, сверкая всеми цветами радуги, порхали по пальмамъ; зеленые и серые голуби вили гнезда на золоченыхъ карнизахъ; по блестящей мозаике пола, распустивъ хвосты, расхаживали павлины, белыя какъ молоко цапли, маленькия домашня совы; пестрые попугаи перелетали съ одного плода на другой; желтыя «солнечныя» птицы порхали съ цветка илъ цветокъ. Робкая ящерица безъ страха бегала по решеткамъ, греясь на солнце; белка смело брала пищу прямо изъ рукъ; всюду царствовалъ миръ и спокойствие; пугливая черная змея, приносящая дому счастье, грела свои усталыя кольца среди маргаритокъ, на которыхъ резвилась выхухоль, а темноглазыя обезьяны делали гримасы воронамъ.

Весь этотъ домъ, этотъ приютъ любви, былъ населенъ приветливой прислугой, всюду встречались приятныя лица, добродушная услужливость, слышались ласковыя речи; всякий былъ радъ, когда могъ обрадовать, былъ доволенъ, когда доставлялъ удо-вольствие, гордился, когда исполнялъ приказание; жизнь текла тамъ, какъ заколдованная, подобно тихому потоку, бегущему среди вечно свежихъ цветовъ, прекраснейшимъ изъ которыхъ была Ясодхара, царица этого заколдованнаго царства.

Внутри дворца, превосходя великолепиемъ все его безчисленныя палаты, скрывалась горница, въ которой искусство соединило все дивныя чары для усыпления души. Входомъ въ нея служила квадратная зала, сводомъ которой было небо; въ середине былъ бассейнъ изъ молочно-белаго мрамора, выложенный такими же плитами; края бассейна, ступени и карнизы были украшены агатомъ и все было такъ холодно, что среди лета казалось будто

ступаешь на снег. Это место предназначалось для сладкой неги; лучи солнца осыпали его своимъ золотомъ, но, пробираясь подъ арки и въ ниши, бледнели, какъ будто самый день останавливался и превращался въ тихий любовный вечеръ передъ дверьми спальни. Тамъ, за этими дверями, была очаровательно-прелестная комната, чудо всего света!

Мягкий светъ благовонныхъ лампъ проникалъ сквозь окна изъ перламутра и прозрачной ткани, усеянной звездами, и падалъ на золотые ковры, на шелковые подушки, на тяжелыя, великолепныя занавеси, за которыя проникала одна только красота. Здесь нельзя было различить, когда день, когда ночь, здесь всегда лился особенно мягкий светъ, более яркий, чемъ восходящее солнце, более нежный, чемъ вечерний сумракъ, вечно веялъ тихий ветерокъ, сладкий, какъ утренний воздухъ, свежий, какъ дыхание полуночи.

День и ночь тамъ пели лютни, день и ночь подавались избранные кушанья и напитки, плоды, омоченные росой, шербетъ, замороженный въ снегахъ Гималайевъ, тонкия сахарныя печенья, сладкое кокосовое молоко въ белыхъ кокосовыхъ чашахъ. День и ночь тамъ прислуживали прелестныя танцовщицы, кравчия, музыкантши, нежныя чернобровыя прислужницы любви. Оне опахалами навевали сонъ на закрытые глаза царевича и, когда онъ просыпался, возвращали его къ неге шопотомъ музыки среди цветовъ, прелестью любовныхъ напевовъ, волшебными танцами, въ которыхъ звонъ колокольчиковъ сливался с нежнымъ плесканиемъ рукъ и звукомъ серебряныхъ струнъ; благовония мускуса и чампаки, голубыя пары курильницъ съ горящими пряностями успокоивали душу его, пока онъ снова засыпалъ около красавицы Ясодхары.

Такъ жилъ Сиддартха, погруженный въ забытье. И сверхъ того царь повелелъ, чтобы за стенами его дворца никогда никто не поминалъ ни о смерти, ни о старости, ни о горе, ни о страдании, ни о болезни.

Если какая-нибудь изъ обитательницъ этого царства любви начинала грустить, если облако печали туманило ея темныя глаза, если ножка ея слабела въ танцахъ, безвинную преступницу немедленно удаляли изъ рая, чтобы царевичъ не успелъ почувствовать сострадания къ ея печали.

Неусыпные надзиратели казнили всякаго, кто осмеливался упомянуть о грубомъ внешнемъ мире, о мире страданий, болезней, слезъ и страха, о мире надгробныхъ рыданий и мрачнаго дыма костровъ. Сребристая нить въ косе танцовщицы или певицы считалась преступлениемъ, каждый день обрывались

все увядающія розы, обрывались желтеющіе листья, удалялось отъ глазъ все неприятное.

– Если, – сказалъ царь, – онъ проведетъ молодость вдали отъ всего, что наводитъ на размышление, если онъ перестанетъ усугубляться въ мысляхъ, можетъ быть, устранился его мрачное предназначение, слишкомъ великое для человека, и я увижу, какъ онъ сделается всесветнымъ царемъ, царемъ царей, главой своего века!

Вокругъ этой прелестной тюрьмы, где любовь была тюремщикомъ, а наслаждение оградой, на дальнемъ разстоянии скрыто отъ глазъ, онъ велелъ воздвигнуть толстую стену съ железными воротами, двери которыхъ съ трудомъ могла открыть сотня человекъ, при чемъ шумъ слышался за полъ-иожаны[6 - Иожана – мера длины, соответствующая одному дню пути.]. Внутри стены были вторыя ворота и за ними еще третьи.

Книга третья

Въ этомъ тихомъ убежище счастья и любви жилъ господь нашъ Будда, ничего не слыша ни о печаляхъ, ни о бедности, ни о страданияхъ, ни о болезняхъ, ни о старости, ни о смерти: но какъ иногда человекъ во сне блуждаетъ по мрачнымъ морямъ и утромъ пристаеетъ къ берегу утомленный, привозя съ собою странныя вещи изъ этого тяжелаго путешествія, такъ и онъ часто лежалъ подле Ясодхары, склонивъ голову на ея смуглую грудь, усыпленный ея нежными ласками, и вдругъ вскакивалъ съ крикомъ: «мой миръ! О, мой миръ! Я слышу! Я знаю! Я иду!»

– Что съ тобою, государь?! – спрашивала она, глядя на него широко-раскрытыми отъ ужаса глазами.

Въ эти минуты взоры его выражали неземное сострадание, а лицо казалось божественнымъ.

Чтобы остановить ея слезы, онъ старался снова улыбнуться и приказывалъ музыке играть.

Однажды слуги поставили тыкву съ натянутыми струнами на пороге дома, тамъ, где вѣтеръ могъ свободно перебирать струны и играть на нихъ, что хотель. Нестройно зазвучали серебряныя струны подъ напоромъ вѣтра, и все слышали только эти нестройные звуки, но царевичъ Сиддартха услышалъ музыку боговъ, и вотъ что пели они ему:

«Мы – голоса легкокрылаго вѣтра, который вздыхаетъ по покое и никогда не можетъ найти его. Знай! Каковъ вѣтеръ, такова и жизнь человѣческая: вздохъ, стонъ, рыдание, буря, борьба.

«Къ чему, зачемъ мы созданы, ты не можешь знать, и не знаешь, откуда берется жизнь, к к чему она приводитъ? Мы также, какъ и ты, духи, рожденные изъ бездны пустоты! Какую радость приносить намъ наше изменчивое страдание?

«Какую радость приносить тебе твое неизменное счастье? Если бы еще любовь была вечна, можно бы найти въ ней наслаждение, но жизнь подобна вѣтру, и все въ ней лишь мимолетный звукъ на изменчивыхъ струнахъ.

«О, сынъ Майи! Мы стонемъ на этихъ струнахъ, потому-что мы блуждаемъ по земле; мы не пробуждаемъ веселья, потому-что мы видимъ слишкомъ много горя въ разныхъ странахъ, слишкомъ много глазъ въ слезахъ, слишкомъ много рукъ, молящихъ о пощаде.

«Мы и стонемъ, и смеемся надъ людьми: они не знаютъ, что та жизнь, къ которой они такъ привязаны, пустой призракъ; удержать ее такъ же невозможно, какъ остановить облако или сдержать рукой течение реки.

«Но ты, предназначенный принести людямъ спасение, – твое время близко. Печальный миръ ждетъ тебя среди своихъ страданий, слепой миръ содрогается отъ муки! Встань, сынъ Майи! Проснись! Не возвращайся въ объятія сна!

«Мы – голоса странствующаго вѣтра. Иди и ты, царевичъ, странствуй, чтобы найти покой; оставь любовь ради любви къ любящимъ, брось роскошь, прими страдание, дай нзбавление!

«Перебирая серебряныя струны, мы шлемъ свои вздохи тебе, еще неискусившемуся въ опыте земныхъ дель, мы говоримъ съ тобою и, пролетая мимо, смеемся надъ теми прелестными тенями, которыми ты забавляешься!»

Въ другой разъ царевичъ сидель вечеромъ среди своихъ придворныхъ красавицъ, держа за руку прелестную Ясодхару, а одна изъ девушекъ, чтобы скоротать сумерки, рассказывала старую сказку, сопровождая слова свои музыкой, поддерживавшей ее звучный голосъ, когда онъ ослабевалъ. Она говорила о любви, о волшебномъ коне, о чудныхъ дальнихъ странахъ, въ которыхъ живутъ бледнолицые люди, и где ночью солнце спускается въ море. Онъ вздохнулъ и сказалъ:

– Читра своимъ прелестнымъ рассказомъ напоминаетъ мне пение ветра на струнахъ. Дай ей, Ясодхара, свою жемчужину въ награду! Но ты, моя жемчужина, скажи, неужели въ самомъ деле светъ такъ великъ? Неужели есть страна, где видно, какъ солнце закатывается въ морския волны? И есть-ли тамъ сердца, подобныя нашимъ, безчисленные, неизведанныя, несчастныя – можетъ быть, – которымъ мы могли бы оказать помощь, если бы знали о нихъ? Часто, когда дневное светило начинаетъ съ востока свой величественный, усыпанный золотомъ, путь, – мне думается, кто же такой первый на краю света приветствовалъ появление его, кто эти дети востока? Часто, даже лежа на твоей груди, въ твоихъ объятияхъ, дорогая жена, стремился я съ тоской, при закате солнца, перенестись вместе съ нимъ на пурпурный западъ и жаждалъ взглянуть на народы, живущие въ техъ странахъ! Тамъ, наверное, есть много людей, которыхъ мы полюбили бы. Можетъ ли быть иначе? Теперь, въ этотъ часъ, я испытываю мучительное стремление, – стремление, котораго не прогнать даже и поцелуй твоихъ, сладкихъ устъ! О Читра! Ты, которая знаешь эту волшебную страну! Скажи, где добыть мне быстроногого коня твоей сказки? Я готовъ отдать мой дворецъ за одинъ день езды на немъ; я бы все ехалъ, ехалъ, пока не увидель всего необъятнаго простора земли... Нетъ, я бы лучше хотель иметь крылья молодого ястреба, наследника более обширнаго царства, чемъ мое; я бы вознесся на вершину Гималаевъ, туда, где розовый светъ окрашиваетъ снежныя равнины, и оттуда пытливымъ взоромъ оглядель бы все вокругъ! Отчего я никогда ничего не видель, ничего не старался увидеть? Скажите мне, что находится за нашими железными воротами?

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

Небо Трайя-стриншъ или Трайя-стримсъ есть небо боговъ – Индры и др.

2

Лакха значить сто тысячъ.

3

Гуру – учитель.

4

Въ Индии по настоящее время принадлежность къ той или другой секте, обозначается условнымъ знакомъ, нарисованнымъ на лбу.

5

Мантры – молитвы и хвалебныя песни, содержащияся въ Ведахъ.

Иожана – мера длины, соответствующая одному дню пути.

Купить: https://tellnovel.com/ru/arnol-d_edvin/svet-azii

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)